

Е. П. Носова, Е. С. Редкина
Санкт-Петербург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ,
МОТИВИРОВАННЫЕ ДЕТСКИМ ЧТЕНИЕМ,
В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается бытование прецедентных высказываний, которые обязаны своим происхождением произведениям круга детского чтения. На материале различных лексикографических источников показывается место прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением в системе лексики и фразеологии, а также в тезаурусе языковой личности. На конкретных примерах показано функционирование данных прецедентных феноменов в СМИ и их роль в создании образности и выразительности в современной поэзии.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прецедентные феномены, прецедентные высказывания, детское чтение, крылатые слова, ассоциативный тезаурус, лексикография, языковая личность.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Носова Елена Павловна, аспирант, кафедра русского языка РГПУ им. А.И. Герцена; учитель, СПб ГБОУ гимназия 205.*

*Адрес: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-ая Линия, д. 52.
E-mail: elenawe97@gmail.ru.*

Редкина Елизавета Сергеевна, аспирант, кафедра русского языка, РГПУ им. А.И. Герцена; учитель, Школа ТТШБ.

*Адрес: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-ая Линия, д. 52.
E-mail: red.elizaveta@gmail.com.*

E. P. Nosova, E. S. Redkina
Saint Petersburg, Russia

PRECEDENT UTTERANCES FROM CHILDREN'S LITERATURE IN THE MODERN LINGUISTIC SPACE

ABSTRACT. *The article deals with precedent utterances originating from children's literature. The author determines the role of precedent utterances from children's literature in the lexical and phraseological systems, as well as in the thesaurus of linguistic personality on the material of different lexicographical sources. The article describes the functioning of the given precedent phenomena in mass media and their role in producing creative imagery and expressiveness in modern poetry on concrete examples.*

KEYWORDS: *precedent phenomena, precedent utterances, children's literature, precedent words, associative thesaurus, lexicography, linguistic personality.*

ABOUT THE AUTHORS: *Nosova Elena Pavlovna, Post-graduate Student of Department of Russian, Herzen State Pedagogical University of Russia; Teacher, Gymnasium 205.*

Redkina Elizaveta Sergeevna, Post-graduate Student of Department of Russian, Herzen State Pedagogical University of Russia; Teacher, St. Petersburg School of Theater, TV and Show Business.

Прецедентные высказывания (далее — ПВ) понимаются как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997: 83]. Они осознаются языковой личностью как «чужая речь» при восприятии текстов и используются в качестве цитатных при порождении собственных текстов.

При употреблении ПВ в речи говорящий апеллирует к определенному прецедентному тексту, являющемуся частью когнитивной базы лингвокультурного сообщества. Неотъемлемой частью когнитивной базы языковой личности являются тек-

сты детского чтения, которые обладают высокой степенью «культурной обязательности», вследствие чего они знакомы большинству членов лингвокультурного сообщества. Кроме того, тексты детского чтения входят в когнитивное пространство языковой личности на самом раннем этапе ее развития, участвуя в формировании тезауруса. ПВ, мотивированные детским чтением, являются, таким образом, одними из ядерных элементов когнитивной базы сообщества.

Прецедентные высказывания, мотивированные детским чтением, подвергаются лексикографическому описанию в различных типах словарей.

«Существующие толковые словари русского языка так или иначе реагируют на «чужое слово»: именно здесь интерпретируется «золотой цитатный фонд», практически учитывается так называемая фразеологическая ценность слова» [Мокиенко, Сидоренко 1999: 20]. В «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой включены следующие прецедентные высказывания: *остаться у разбитого корыта; кошка, которая гуляет сама по себе; при царе Горохе; по щучьему веленью; принцесса на горошине; гадкий утенок*. Они помещаются в зону устойчивых сочетаний словарных статей, толкующих основной смысловой компонент высказывания:

ЩУКА, -и, ж. Хищная пресноводная рыба отряда лососеобразных. <...> **4 По щучьему веленью** (разг. шутол.) — само собой, как бы по волшебству [по народной сказке о Емеле, все желания к-рого исполняла отпущенная им на волю щука].

«Цитата в словаре может быть не только объектом описания, но и вспомогательным инструментом, выполняющим иллюстративную функцию при выделении значений» [Мокиенко, Сидоренко 1999: 20]. ПВ, представленные в словаре, в ряде случаев мотивируют появление коннотативных сем в структуре переносных значений. Так, лексема *КОШКА* имеет переносное значение «о человеке особенном и независимом, действующим в одиночку, по собственному усмотрению, не так как все» в составе прецедентного высказывания *Кошка, которая гуляет (ходит) сама по себе [по сказке Р. Кипплинга «Кошка, гуляющая сама по себе»]*.

В ряде случаев ПВ появляются в словаре в качестве иллюстративного материала:

ВЕРШКИ, -ов (разг.). Верхняя часть чего-н. (напр. огородного растения). *Мне в., а тебе корешки* (из сказки; шутл.).

ПВ *мне верхки, а тебе — корешки* мотивировано русской народной сказкой и употребляется в ситуации нечестной сделки, когда одной стороне достаются все выгоды, а другой — издержки. Ср.: *Мы уже 15 лет дружим с Америкой демократиями, да только получается все по известной сказочке про верхки и корешки* (Известия, 2006.05.05); *Еще одни «верхки» — принятие Россией на себя долгов бывших союзных республик при распаде СССР*. (Труд-7, 2002.11.05). Включение данного ПВ в словарную статью в качестве иллюстративного материала позволяет предположить наличие у слова *верхки* коннотативной семы «неприятные, невыгодные последствия сделки/предприятия, которые вынуждено принимает на себя одна из сторон».

Лексемы *тридевятый* и *тридесятый* употребляются только в составе ПВ *в тридевятиом <тридесятом> царстве, в тридесятном <тридевятиом> государстве*. Данные прецедентные феномены в языке приобрели особый статус, о чем свидетельствует наличие отдельных словарных статей в «Толковом словаре русского языка»:

ТРИДЕВЯТЫЙ, -ая, -ое. В сказках: очень далекий [в старинном счете по девяткам двадцать седьмой]. *В тридевятиом царстве*.

ТРИДЕСЯТЫЙ, -ая, -ое. В сказках: очень далекий [в старинном счете тридцатый]. *В тридевятиом царстве, в тридесятном государстве*.

Гораздо больший объем ПВ, мотивированных детским чтением, представлен в словарях крылатых слов и выражений (о соотношении понятий «крылатые слова» и «прецедентные высказывания» см. [Захаренко 2000]). Важную часть «Словаря крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко составляют ПВ, мотивированные сказками А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке»: *А во лбу звезда горит; за морем житье не худо; разбитое корыто; три девицы под окном*.

В Словаре отражены некоторые ПВ, не имеющие в языке переносного значения, но используемые в качестве заголовков для материалов СМИ, содержание которых ассоциативно связывается с тем или иным высказыванием, например, выра-

жение *три девицы под окном* — реминисценция слов Пушкина, используется в функции заголовка.

В ряде случаев толкования ПВ оказываются достаточно узкими и в речи используются в более широком значении или имеют значения, не отраженные в словаре. Например, ПВ *родила царица в ночь/ не то сына, не то дочь,/ не мышонка, не лягушку,/ а неведому зверюшку* дается толкование «о биологических опытах в космосе». Однако данное высказывание (или его фрагмент) часто используется в статьях СМИ, рассказывающих о рождении ребенка у знаменитой пары, ср: *Родила царица в ночь не то сына, не то дочь... Эти строки как будто про первую леди Франции. Ведь пресса уже просто замучила народ ложными сенсациями: за последний месяц Карла успела «родить» уже с десяток раз то мальчика, то девочку, то близнецов* (КП, 27.10.2011); *Расписываем, что родила царица в ночь (или в день) сама, без всякого кесарева* (КП, 26.02.2002).

В «Большом словаре крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой зафиксировано 70 слов и выражений, генетически связанных с текстами детского чтения. С точки зрения источника прецедентности их можно разделить на три группы:

1. ПВ, мотивированные фольклорной сказкой, напр.: *битый небитого везет; за тридцать земель; избушка на курьих ножках* и др. ПВ данной группы в словаре имеют помету *фольк.* (фольклорное).

2. ПВ, мотивированные русскими литературными произведениями, в том числе авторскими сказками, напр.: *дед Мазай и зайцы; поле чудес [в стране дураков]; я б в рабочие пошел — пусть меня научат* и др.

3. ПВ, мотивированные зарубежными произведениями для детей, напр.: *последний из могикан; гадкий утенок; пещера Али-Бабы* и др.

ПВ могут использоваться в текстах в качестве средства эмоциональной оценки, поэтому многие ПВ в словаре снабжены пометами *ирон., одоб./неодобр., шутл.* В некоторых случаях пометы свидетельствуют о динамике данного пласта лексики. Так, ПВ *Тимур и его команда* имеет помету устаревшее, что свидетельствует о том, что данное выражение вышло из активного употребления. Это представляется спорным, поскольку только по данным газетного подкорпуса НКРЯ из 31 вхождения по фразе *Тимур и его команда* 10 являются примерами использования ее в качестве прецедентного высказывания: *И на этом постапокалиптическом полигоне Тимур и его*

команда устроили настоящее безумие на раритетных американских автомобилях и багги с механической коробкой передач (Комс. правда, 17.10.2012); *Тимур и его команда. Я купил фруктов и пошел в областной вендиспансер.* (Комс. правда, 26.11.2002).

Особую группу ПВ, мотивированных фольклорной сказкой, составляют традиционные сказочные формулы: *жили-были; ни в сказке сказать, ни пером описать <написать>; и я там был, мед-пиво пил* и др. Многие из них включены в раздел «Прецедентные высказывания» словаря «Русское культурное пространство» И. С. Брилевой, Н. П. Вольской, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных. Такие формулы в большинстве случаев имеют «скрытое» значение:

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ [ДА НЕ СКОРО ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ] — фраза из русских народных волшебных сказок; традиционная сказочная формула (1); имеет «скрытое» значение, обусловленное текстом сказки (2); может употребляться для характеристики действия (3).

2. *Имеется в виду, что то, о чем говорят, не является легко выполнимым: легко сказать — трудно сделать.*

3. *Современные русские могут употреблять эту фразу, когда говорят о любом действии, выполнение которых требует значительных усилий и/или длительного времени.*

Кроме того, такие формулы воспринимаются как символы сказок, маркеры начала, середины или конца сказочного повествования. Это видно на примере творческих работ школьников. В качестве задания ученикам пятого класса было предложено написать сказку. Полученные работы скорее можно отнести к жанру фантастики (очевидно влияние современной фантастической литературы и кинематографа). Однако в тексты «сказок» были включены традиционные сказочные обороты: **«Жили-были принц Эрик и принцесса Алиса и жили они на море, на океане, на острове Буяне...»**; **«В тридевятом царстве, в тридевятом государстве в 2022 году была война и на Россию сбросили бомбу с радиацией»**.

В рассмотренных словарях отражается возможность ПВ подвергаться трансформации, которая чаще всего осуществляется путем замены отдельных компонентов высказывания при сохранении синтаксической конструкции. Так, например, ПВ *не хочу быть черною крестьянкой, хочу быть столбовой дворянкой*, которое имеет значение «ирон. Об увеличивающихся потребностях» [Мокиенко, Сидоренко 1999], при трансформации сохраняет конструкцию *не хочу быть ..., а хочу быть...*, ср.: *Уж не хочет соседка быть Украиною, хочет Киевскою Русью* (КП, 01.04.2016).

Обращение к ассоциативным словарям дает возможность определить место прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением, в тезаурусе языковой личности. В «Ассоциативном словаре русской фразеологии» Д. О. Добровольского и Ю. Н. Караулова, основанном на материалах РАС, отражены некоторые прецедентные высказывания, в том числе, прецедентные феномены, мотивированные детским чтением: **голый король** кто-л. прец. (Г. Х. Андерсен) **КОРОЛЬ** → *то гол (1), сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок* прец. (А. С. Пушкин) **ЛОЖЬ** — *да в ней намек (1); ЛОЖЬ* — *да намек (1)*. **ЖИТЬ** → *поживать (6); ЖИТЬ* → *поживать да добра наживать (1)*. Перед авторами указанного словаря не стояла задача отразить весь массив фразеологических оборотов и прецедентных высказываний, проявившихся в РАС, поэтому, естественно, что указанные пары S→R не исчерпывают всех прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением, встречающихся в словаре, ср.: **ОСТАВАТЬСЯ** — *у разбитого корыта (1), ХОРОШО* — *что такое плохо (1); КОШКА* — *гулявшая сама по себе (1); СПОКОЙСТВИЕ* — *только спокойствие (5), и только спокойствие (1), дело житейское (1)*.

Следует отметить, что реакции, дополняющие словостимул до прецедентного высказывания, не являются самыми частотными в словарной статье, в большинстве случаев — это единичные ответы.

Особую группу прецедентных высказываний составляют ПВ, мотивированные детской литературой советского периода. Некоторые из них представлены в «Большом словаре крылатых слов русского языка»: *мамы разные нужны / мамы всякие важны; рассеянный с улицы Бассейной; ты не в Чикаго, моя дорогая; я б в рабочие пошел — пусть меня научат*. О том, что подобные прецедентные высказывания входят в ассоциативный тезаурус русской языковой личности свидетельствуют данные «Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников», где фиксируются пары S→R *надо* → *шоколада; в самом деле* → *все сгорели карусели* (К. Чуковский «Телефон»); *идет* → *бычок; идет* → *бычок, качается* (А. Барто); *матушка* → *пчела* (К. Чуковский «Муха-цокотуха»);

Очевидно, что ни один из словарей не отражает весь массив ПВ, используемых в различных текстах. Так, в качестве заголовков СМИ часто используются ПВ, мотивированные текстами произведений К. И. Чуковского. Например, для статьи о вреде химических хозяйственных средств использован заголовок *Одеяло за-*

дубело, зачерствела простыня. (КП, № 115, 2015). Статья, посвященная итогам 2015 года в сфере массмедиа и рекламы, предвзвращается трансформированным отрывком из стихотворения К. И. Чуковского «Телефон»: — *Кто говорит? — Слон. — Что вам надо? — БОЛЬШЕ АДА!* (<http://www.cossa.ru/234/116135>). ПВ *а за ним комарики на воздушном шарике* используется в качестве заголовка (или части заголовка) для целого ряда статей о борьбе с насекомыми, см. например *Комарики на воздушном шарике: звезд атакуют насекомые* (<http://www.woman.ru/beauty/medley2/article/153426/>). ПВ *ехали медведи на велосипеде* также используется в качестве заголовка различных по тематике статей, ассоциативно связывающихся с данным высказыванием, ср.: *Ехали медведи на велосипеде* (<http://nerosse.livejournal.com/100025.html>) — статья о впечатлениях от длительной поездки на велосипеде; *Ехали медведи на велосипеде* (<http://mi3ch.livejournal.com/2908016.html>) — статья, осуждающая использование животных в цирковых выступлениях; *Ехали медведи на велосипеде: 10 лучших роуд-муви* (<http://afisha.bigmir.net/movie/articles/222898-Ehali-medvedi-na-velosipede--10-luchshih-roud-muvi>); *Ехали медведи на велосипеде* (<http://fishki.net/1813733-ehali-medvedi-na-velosipede.html>) — статья о выделении средств на ремонт дороги в Мурманской области. Также активно используются цитаты из стихотворений С. Маршака, А. Барто, В. Маяковского: *Мишка косолапый шопиться идет* (статья о том, как в Хабаровске дикий медведь вломился в торговый центр) (КП, 16.10.2015); *Дом, который построили мы* (об инвестициях граждан) (АИФ № 13 30 марта — 5 апреля 2016). «*Я бы в брокеры пошел, пусть меня научат*», — *говорят нынешние выпускники школ, решая, в какой вуз нести документы* (КП, 30.01.2012). Во всех указанных случаях ПВ не выступает в переносном значении — использование в заголовке реминисценций мотивировано ассоциациями, связывающими содержание статей с ПВ или исходным прецедентным текстом.

Сказки К. И. Чуковского, стихотворения С. Маршака, А. Барто были написаны специально для детей. «Чуковский всегда помнил, для кого он пишет: требовались строки короткие и простые, язык легкий, свободный от архаизмов и поэтических клише» [Хельман 2016: 293]. «У Маршака особенный талант к использованию коротких, лаконичных строк и простых слов для создания ярких убедительных образов и сюжетов» [там же: 299]. Простота и лаконичность строк и языка, богатство рифм и яркость образов — основные признаки стихотворных произведе-

ний для детей — способствуют их быстрому запоминанию, а многообъемлющие образы, приближающиеся к символам, во многом определяют формирование картины мира ребенка.

Отдельный интерес представляют прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в современной художественной литературе. Для новейшей русской поэзии актуальным является включение дискурса детства с введением в текст детской речи, повествованием от лица ребенка, привлечением метафор, связанных с реалиями детской жизни, а также прямое и косвенное цитирование детских произведений, сказок, скороговорок, потешек.

Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в новейшей русской поэзии зачастую оказываются «встроенными» в обыденную взрослую жизнь, противопоставляя таким образом «детское» и «взрослое», комплекс универсальных детских представлений о жизни и реальную действительность. Так, например, сказочная формула «жили-были», являющаяся в детской сказке элементом зачина, может указывать на отсутствие в жизни героев значимых событий, а не предвосхищать их:

*Остов шкафа, скелет дивана,
Титаником — ванна,
Чугунная, кверху днищем.
Раскрытые книги, как убитые бабочки.
Штукатурка. Рваные тапочки.
И медведь, здоровенный, плюшевый.
В красной, дурацкой шапочке.
Жили-были. Зачем — не спрашивай.
Вообще ни о чем никогда не спрашивай,
Потому что мы всегда находим не то,
что ищем. (Иван Давыдов)*

Все перечисленные бытовые предметы в разрушенном доме составляют остаток человеческой жизни. Под ними автор «проводит черту», отделяющую частное пространство от пространства автора и читателя, где первый выносит приговор увиденному: «*Жили-были. Зачем — не спрашивай... мы всегда находим не то, что ищем*». В стихотворении Евгения Ройзмана сказочная формула «Жили-были» также обозначает бессмысленное существование:

*Небо голубое
Было на рассвете
Жили-были двое
Появился третий*

*Первый вдруг подумал
Я наверно лишний
И решил пойду мол
Взял и вышел...*

По замечанию М. Голубовского, такие повторы, как «жили-были», «тянут-потянут», свойственны детским произведениям, поскольку близки детской речи, указывают «на интимную связь процесса овладения речью с ритмикой, рифмовым созвучием» [Голубовский 2011]. Во взрослой же речи повторы служат для усиления или уменьшения какого-либо признака: «не просто тянут, а *тянут-потянут* — действие очень натужное и длительное» [там же]. Интересно, что в обоих приведенных выше стихотворениях прецедентное высказывание «жили-были» является исчерпывающим для описания образа жизни и характеристики героев. «Жили-были», то есть жили как положено, как все, неосознанно, не обязательно долго, но однообразно и скучно. Подобная характеристика является ключевой, поскольку объясняет трагическое в изображении обыденных жизненных коллизий.

Следует отметить также тенденцию к трансформации сюжетов из прецедентных детских произведений на основании переосмысления лексического значения того или иного слова, языковой игры.

Стихотворение Григория Кружкова «О том, как Филипп в компьютер влип» использует прецедентный текст — сказку «Репка», выстраивая языковую игру на актуальном для современной языковой ситуации значении слова «мышка» (компьютерная мышь):

*Мальчик Филипп
В компьютер влип.
Дедушка тянет-потянет,
Вытянуть не может.
Позвал бабушку...;
Кошка прибежала,
Хвостиком махнула.
**Мышка упала
И разбилась.***

В связи со стихотворением Григория Кружкова уместно вспомнить и стихотворение Яна Сатуновского, написанное в 1950 году, которое основывается на сюжете той же детской сказки:

*Слушай сказку, детка.
Сказка*

*опыт жизни
обобщает
и обогащает.
Посадил дед репку.
Выросла — большая-пребольшая.
Дальше слушай.
Посадили дедку за репку.
Посадили бабку за дедку.
Посадили папку за бабкой.
Посадили мамку за папкой.
Посадили Софью Сергеевну.
Посадили Александру Матвеевну.
Посадили Павла Васильевича.
Посадили Всеволод Эмильевича.
Посадили Исаак Эммануиловича.
Тянут-потянут.
Когда уже они перестанут?*

Трансформация сюжета сказки в стихотворении Яна Сатуновского также становится возможной благодаря языковой игре, актуализации переносного значения глагола «посадить». Языковая игра в данном случае представляется весьма удачной, составляет основу художественного замысла. Идею бессмысленности, абсурдности и массовости непрекращающихся репрессий поддерживают и сказочные повторы, и примитивность сюжета. Контрастность формы (наивная, безобидная сказка) и содержания соотносится с восприятием обычным человеком столь жестоких и необъяснимых с его точки зрения событий. Мотивированность обращения к сказочному сюжету в стихотворении Григория Кружкова не кажется столь очевидной: языковая игра не привносит сколь угодно значимых смысловых оттенков и является самоцелью.

В стихотворении Александра Корамыслова «Рассказать тебе сказку про белого бычка?» языковая игра строится на жаргонном значении слова «бычок» и грубом разговорном значении лексемы «корова»:

Рассказать тебе сказку про белого бычка?

***Жил-был бычок.** В пепельнице.*

И звали его Салем-с-Ментолом.

*Был он весь белый, только у хвоста — два зеленых колечка
и тавро: Салем-с-Ментолом...*

*Но однажды некая толстая корова с накрашенными губами
достала из уютного загончика именно его —
и стала целовать взасос, прижигая.
Что было делать — Салем-с-Ментолом в ответ
страстно загорелся —
и пламенно отдался **толстой корове**,
вместе с дымом и всеми потрохами.
Увы, их жаркий союз длился недолго —
попыткев минут пять,
толстая корова, наконец, отлипла —
и вмяла его в пепельницу.*

Таким образом, обращение к языковой игре и простому, «примитивному» по своей форме жанру детской сказки позволяет автору метафорически описать историю любви мужчины и женщины, не прибегая к описанию реальных жизненных событий и развернутым характеристикам героев.

Стихотворение Нины Александровой «Красная шапочка» также описывает отношения мужчины и женщины, опираясь на сказочный сюжет:

*девочка чешет его за ухом, шепотом говорит
ну, пожалуйста, ты только на меня посмотри
все, чего я боюсь, я ведь выдумала сама
чувство вины, образ отца и самообман
мне никогда наверное не будет страшно с тобой
волчий твой мех серебряный и еще голубой
он молчит, голову ей кладет на плечо
шумно вздыхает, и дыхание его горячо...*

Сказка о Красной Шапочке является прецедентным текстом для большинства европейских культур. В данном случае знание сказки, название которой вынесено непосредственно в название стихотворения, помогает читателю реконструировать особенности отношений между персонажами и опасности, которые эти отношения несут. Важно, что метафора отношений мужчины и женщины, раскрытая через персонажей Красной Шапочки и волка, отсылает, скорее, не к самой сказке о Красной Шапочке, а к традиции аналитической психологии, обращенной к осмыслению архетипических персонажей и сюжетов.

В стихотворении Людмилы Херсонской появление прецедентных высказываний, связанных с детским чтением, закономерно, поскольку текст представляет взгляд ребенка:

*Мама, когда сошлись, **раму помыла,**
крышу сшила, дранку не скрыла,
муж увидел и не забыл.
Конечно, глаз вон тому, кто помянет,
но он решил, что жить с ней не станет,
пришел с рыбалки, а вышло, что разлюбил.*

*Теперь, стало быть, делить то, что нажили,
пилить то, что прожили,
у них на всех крыша шитая да чистая рама.
Хороша рыба, да поздно жарить,
малы дети, да можно состарить,
ловись, рыбка, разводись, папа и мама.*

Автор изображает стереотипные для русского сознания представления о семье: жена занимается домашним хозяйством, а муж уходит на рыбалку. Увлечение мужа рыбалкой является также стереотипным сюжетом для разного рода анекдотов и шуток. Псевдофольклорная интонация и использование широко известных, базовых для русского лингвокультурного сознания прецедентных высказываний из детской скороговорки «Мама мыла раму» и народной сказки «Лиса и волк» поддерживают образ обычной обывательской семьи, похожей на многие другие. Кроме того, явленный таким образом детский дискурс способствует «воссозданию детского, слабого, растерянного 'я'» [Кукулин 2002].

Таким образом, прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, востребованы современными поэтами. Как базовые элементы интертекстуального тезауруса читателя они зачастую служат для свернутой характеристики персонажа или ситуации, для изображения типичных образов, помещенных в «нетипичные» обстоятельства, и для создания детского взгляда, противопоставленного взгляду взрослого.

Детское чтение, в особенности стихотворные произведения для детей, формирует большое количество прецедентных феноменов, которые вошли в фонд фразеологии русского языка и крылатики, о чем говорит их включение в толковые словари и словари крылатых слов, и в тезаурус языковой личности, о чем свидетельствуют данные ассоциативных словарей. Благодаря

своей широкой распространённости, понятности большинству членов лингвокультурного сообщества, они становятся ядерными элементами когнитивной базы носителей русского языка и активно употребляются в различных типах дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Голубовский М. Слова-повторы в языке (редупликация) // Нева. — 2011. №7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/7/g13.html>.

Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып.12. С. 46–52.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: «Филология», 1997. Вып. 1. С. 82–102.

Кукулин И. Актуальный русский поэт как воскресшие Аленушка и Иванушка // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. — 2002. № 53. Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/kuklin-aktualnyi-russkiy-poet/dossier_993/.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. — СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.

Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. — М.: Азъ, 2006. 955 с.

Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. / авт. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартыанов. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2011. Т. I–II.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / авт. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. — М.: Астрель, 2001. Т. 1–2.

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: вып. 1: зооморфные образы, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания: [около 200 единиц] / авт. И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2004. 318 с.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с английского О. Бухиной. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.